

В рамках дискуссии

DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-4-245-270

Сумерки больших батальонов. Исторический этюд о военных конфликтах будущего

Алексей Алексеевич КРИВОПАЛОВ

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Центр постсоветских исследований

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН, 117997, Профсоюзная ул., д. 23, Москва, Российская Федерация

E-mail: krivopalov@centero.ru

ORCID: 0000-0002-7916-036X

ЦИТИРОВАНИЕ: Кривопалов А.А. (2019) сумерки больших батальонов.

Исторический этюд о военных конфликтах будущего // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 12. № 4. С. 245–270.

DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-4-245-270

Статья поступила в редакцию 11.09.2019.

АННОТАЦИЯ. *Статья содержит описание эволюции военного дела в XIX–XXI вв. Автор сосредоточивает внимание на развитии преобладающих в нем оперативных форм и организационных принципов. Рассмотрев ряд локальных конфликтов, развернувшихся после 1945 г., он доказывает, что принцип развертывания войск сплошным непрерывным фронтом, апогеем которого стала Вторая мировая война, более не является преобладающей формой стратегического развертывания на театре боевых действий. Анализ кампании 2003 г. в Ираке позволяет сделать вывод о начавшемся закате оперативного искусства, которое в середине XX в. миновало кульминационную точку своего развития. В связи с переменами, наступившими в области техники, системы комплектования и организации современной армии,*

оперативное искусство все более утрачивает прежнюю функциональную нишу. В современной войне на смену распределенному во времени и пространстве непрерывному ряду боевых усилий приходит одноактное генеральное сражение, предваряемое первоначальным стратегическим сосредоточением войск на театре боевых действий. Хотя военное дело и поднялось на более высокую ступень научно-технического развития, современные организационные и оперативные формы все более напоминают традиции не тотальных войн XX в., но локальных конфликтов XIX столетия.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *политика, стратегия, фронт, коммуникационная линия, оперативное искусство, театр боевых действий, Вторая мировая война, Иракская кампания*

Современный читатель справедливо сочтет банальностью любое напоминание о том, что западный мир, а следом за ним и остальное человечество, вступает в полосу перемен, видоизменяющих фундаментальные основы жизни общества и государства. Как это бывало с незапамятных времен, жизнь и взаимодействие в ней отдельных индивидов, сообществ и государств порождает конфликты. Острота этих конфликтов отнюдь не всегда допускает их мирное разрешение, а потому война по-прежнему остается насильственным выражением политических целей. Изучение анатомии вооруженного насилия, анализ статических и динамических элементов, лежащих в его основе, по-прежнему сохраняет актуальность. К сожалению, современная научная рефлексия над этим предметом несет на себе глубокую печать релятивизма, важнейшим симптомом которого стало отрицание политической природы войны. Чаще всего это отрицание маскируется поиском ее новых, так называемых гибридных форм.

Сначала на Западе, а потом и в России эта невольная аберрация сделалась чуть ли не отправной точкой в спорах и дискуссиях о вероятных сценариях конфликтов будущего¹.

Поскольку мир современной науки «американоцентричен», теория стратегии в последние десятилетия выражает себя преимущественно с американским акцентом, хотя практический опыт США в этой области скорее негативен. Операции в Афганистане, Ираке и Ливии стали яркими примерами неумения конвертировать достигнутый военный результат в долгосрочное внешнеполитическое преимущество. Тем не менее многие американские эксперты, начиная с хорошо известного в российской литературе Джона Бойда², предпочитали видеть причины преследовавших их страну военно-политических неудач в якобы неучтенных последствиях изменившейся природы войны.

На первый взгляд, такое оправдание звучало правдоподобно. Если традиционные военные конфликты индустриальной эпохи уходят в прошлое, если

1 В качестве примера см.: Коньшев В.Н., Сергунин А.А. (2013) Дискуссии о войнах будущего в российском экспертно-аналитическом сообществе: мифы и реальность // Проблемы национальной стратегии. № 4(19). С. 100–114 // <https://riss.ru/images/pdf/journal/2013/4/09.pdf>, дата обращения 31.10.2019; Комлева Н.А. (2017) Гибридная война: сущность и специфика // Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки. Т. 12. № 3(167). С. 128–137 // <http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/52504/1/iuro-2017-167-14.pdf>, дата обращения 31.10.2019; Бочарников И.В., Лемешев С.В., Люткене Г.В. (2013) Современные концепции войн и практика военного строительства. М.: NotaBene; Савин Л.В. (2011) Сетевая война. Введение в концепцию. М.: Евразийское движение; Radin A. (2017) Hybrid Warfare in the Baltics. Threats and Potential Responses, Santa Monica: RAND Corporation; Fox A.C., Rossow A.J. (2017) Making Sense of Russian Hybrid Warfare: A Brief Assessment of the Russo-Ukrainian War // The Institute of Land Warfare. The Land Warfare Papers. No. 112. March 2017 // <https://www.ausa.org/sites/default/files/publications/LWP-112-Making-Sense-of-Russian-Hybrid-Warfare-A-Brief-Assessment-of-the-Russo-Ukrainian-War.pdf>, дата обращения 31.10.2019; Chivvus C. (2017) Understanding Russian "Hybrid Warfare" and What Can Be Done about It, Santa Monica: RAND Corporation; Russian New Generation Warfare Handbook. Asymmetric Warfare Group. Version 1. December 2016; Warden J. (1995) The Enemy as a System // Airpower Journal, no 1, pp. 40–55; Cebrowski A.K., Garstka J.J. (1998) Network-Centric Warfare: Its Origins and Future // U.S. Naval Institute Proceedings, January 1998 // <https://www.usni.org/magazines/proceedings/1998/january/network-centric-warfare-its-origin-and-future>, дата обращения 31.10.2019.

2 Boyd J.R. (1976) Destruction and Creation // US Army and General Staff College, September 3, 1976 // <https://globalguerrillas.typepad.com/JohnBoyd/Destruction%20and%20Creation.pdf>, дата обращения 31.10.2019; Hammond G. (2001) The Mind of War: John Boyd and American Security, Washington: Smithsonian Institution Press; Olsen J.A. (ed.) (2015) Airpower Reborn: the Strategic Concepts of John Warden and John Boyd, Annapolis: Naval Institute Press; Ричардс Ч.У. (2002) Мобильные, неуязвимые вооруженные силы: «Обзор оборонной политики США» глазами Сунь-Цзы и Джона Бойда. М.: Гендальф; Махнин В.Л. (2015) О войне и вооруженной борьбе: прогнозная ретроспекция // Гуманитарный вестник. № 2(33). С. 16–25 // https://elibrary.ru/download/elibrary_23369446_85551278.pdf, дата обращения 31.10.2019; Гриняев С.Н., Арзуманян Р.В. (2014) Неформальные механизмы в системе принятия военно-политических решений в сфере национальной безопасности США // Стратегическая стабильность. № 2(67). С. 48–57; Черняк Л.С. (2013) Петля Бойда и кибернетика второго порядка // Открытые системы. № 7. С. 54–56 // <https://www.osp.ru/os/2013/07/13037357>, дата обращения 31.10.2019.

борьба во имя рационально понимаемого государственного интереса становится редким исключением в общем объеме причин, вызывающих сегодня вооруженное противоборство, если привычный противник в лице регулярной армии исчезает – немудрено растеряться даже очень хорошему солдату! Весьма характерна в этом отношении работа о войнах «четвертого поколения», опубликованная известным американским писателем и публицистом Джоном Линдом в соавторстве с подполковником Грегори Тиле. На ее страницах провозглашается наступление в стратегии эры «пост-Клаузевица», в которой традиционная субординация войны по отношению к политике должна якобы смениться своей полной противоположностью³.

Если мысленно продолжать линию подобных логических построений, финалом будет констатация неизбежного наступления всеобщей деградации и распада. Однажды приняв на веру гипотезу о видоизменившейся природе войны, созвучную эсхатологическому тезису о неотвратимости разрушительных социальных трансформаций, мы вместе с тем вынуждены будем отринуть всякую теорию войны вообще. Хаос в систематизации и научном осмыслении не нуждается. По всей видимости, именно чувство растерянности порождает призывы к пересмотру якобы устаревшего учения Клаузевица, хотя с точки зрения работы над ошибками куда большую пользу американцам принесло бы откровенное признание неспособности их высших правительственных кругов гармонизировать политические и стратегические цели войны.

Кроме того, когда речь заходит о военном деле, анализ его основных тенденций часто подменяется рассмотрением новых военных технологий и последствий, связанных с их применением на поле боя⁴. Этот канон постепенно распространялся в военно-аналитической литературе с конца XX столетия, отчасти под влиянием яркого и победоносного завершения американцами операции «Буря в пустыне» в январе–феврале 1991 г.

Абсурдно было бы отрицать влияние экономики на развитие науки и техники, а также влияние научно-технического фактора на характер военного дела. Но в равной мере ошибочно сводить войну к одному лишь технологическому соревнованию. Техника была и остается важной, но отнюдь не единственной гранью войны, а потому характер вооруженной борьбы и те организационные формы, которые при этом преобладают, могут трансформироваться под влиянием условий, весьма мало с ней связанных.

Стремительный прогресс науки и техники способствовал тому, что описание войны и размышление над новыми тенденциями в военном искусстве начало выстраиваться по законам жанра футуристического романа. Обсуждение на первый взгляд почти безграничных возможностей, открывающихся в связи с распространением новых технических средств борьбы, начало подменять собой анализ долгосрочных тенденций, сохраняющихся в военном деле, но остающихся при этом вне сферы влияния научно-технической революции. Образно говоря, в современной военной панораме перенасыщенный предметный план заслоняет от глаз на-

3 Lind W.S., Thiele G.A. (2016) 4-th Generation Warfare Handbook. Castalia House.

4 Обзор современных западных военных теорий см.: Арзуманян Р.В. (2012) Кромка хаоса. Сложное мышление и сеть: парадигма нелинейности и среда безопасности. М.: Regnum.

блюдателя основное художественное полотно. Но когда все внимание фокусируется на материальных средствах борьбы, легко можно упустить из виду иные ракурсы проблемы, практически не связанные с технологическими инновациями. Нарастающее сомнение в том, что именно технологии трансформируют природу войны, по всей видимости хронологически совпало с окончательным крушением иллюзий «конца истории» и общим дефицитом оптимизма в оценках будущего⁵. Структура вооруженных сил не может оставаться статичной, но она обладает значительной организационной инерцией. Оперативные формы, организационная практика и тактические навыки вытекают из всей совокупности исторических и общественно-политических условий каждой конкретной эпохи. При этом научно-технический прогресс является важной, но никак не исчерпывающей ее характеристикой.

Сторона, допустившая в прогнозировании характера будущей войны хотя бы одной ошибкой менее вероятно противника, уже получит над ним серьезное преимущество. Всестороннее обдумывание проблем стратегии и политики, поиск оптимальных путей военного строительства и модернизации армии крайне важны для России. С одной стороны, наша страна, очевидно, не удовлетворена своим положением на международной арене, но с другой стороны, она не имеет над основными своими соперниками того экономического, демографического и научно-технического превосходства, которое при обстоятельствах более счастливых позволяло бы ей смягчать последствия политических и стратегических ошибок.

Данная статья не преследует сколь-нибудь амбициозных прогностических целей. Я ограничусь лишь самыми общими размышлениями о судьбе войны на суше, сосредоточив внимание на тех оперативных и организационных формах, которые в свете опыта истории могут принять военные усилия сильнейших армий мира на полях сражений ближайшего будущего. Главным образом, речь пойдет о войнах между суверенными государствами. Такие войны, по сравнению с вялотекущими внутренними конфликтами и контрпартизанскими операциями, сегодня случаются сравнительно редко. Тем не менее именно они открывают наиболее широкий простор для проявления новых оперативных тенденций.

На пути к тотальной войне

Долгий путь от династических войн XVIII столетия, которые велись с ограниченными целями, к тотальным войнам XX в., где борьба шла на полное сокрушение государства-противника как военного, политического и экономического конкурента, сопровождался постепенным ростом численности армий. Параллельно с этим на военную область распространялись достижения промышленной революции и последствия тех социальных изменений, что влекли за собой падение сословных барьеров, расширение демографической базы армии и перемены в системе ее комплектования.

Вербовочные армии европейских держав XVIII столетия не могли стать массовыми. Этому препятствовали как узость социальной базы их комплектования, так и сложность линейной так-

5 Обзор полемики, ведущейся по этому вопросу см.: Сучков М., Сим Тэк. (2019) Будущее войны // Международный дискуссионный клуб «Валдай». Август 2019 // <http://ru.valdaiclub.com/a/reports/budushchee-voyny/>, дата обращения 31.10.2019.

тики, общеупотребимой в битвах того времени. Относительная примитивность стрелкового оружия, отличавшегося трудоемкостью заряжения и низким темпом стрельбы, вынуждала использовать батальоны развернутым строем, глубиной всего в несколько шеренг. Такой боевой порядок повышал огневую производительность отдельных подразделений, но требовал длительной индивидуальной подготовки солдат. Слаженные действия по уставам XVIII в. требовали от полков и батальонов тогдашних европейских армий многолетней и кропотливой боевой учебы, а потому исход сражений решали компактные по численности армии хорошо обученных профессионалов.

Великая Французская революция и наступившая вслед за ней эпоха Революционных и Наполеоновских войн стали отправными точками на пути движения от военных конфликтов, характерных для традиционного общества, к войнам индустриальной эпохи. Вооруженная борьба приобретала черты тотальности. Массовая армия, основанная на идее «вооруженного народа» и социальной концепции гражданина-воина, постепенно сделалась основой военной организации великих держав континентальной Европы. Индустриализация и научно-техническая революции сделали возможными стремительное увеличение ее численности и практически перманентное перевооружение все более и более совершенными образцами оружия.

Массовая армия, подобно айсбергу, представляла собой две неравные части. Малая, кадровая, часть служила для подготовки обученного запаса в ходе обязательной военной службы. Запас же обученных военному делу граждан, а также организационная инфраструктура в виде многочисленных частей и соединений резерва позволяли

задействовать на войне огромные вооруженные массы, постоянное содержание которых под ружьем в мирное время вскоре вызвало бы неоправданное экономическое истощение государства. Необходимость заблаговременной и планомерной подготовки мобилизации, то есть максимально сжатого по времени акта перевода армии из штатов мирного в штаты военного времени, и последующее сосредоточение ее сил на театре боевых действий согласно планам первой операции, вытекала из самой сущности кадрово-резервной армии. Рост численности вооруженных сил на полях сражений выводил на передний план организацию эффективного управления войсками в бою. В связи с этим повышалось значение военной администрации, тылового обеспечения, квартирмейстерской части и централизованного штабного планирования.

Разделение военного искусства на тактику и стратегию впервые было сформулировано в трактате Дитриха фон Бюлова «Дух новейшей военной системы», составленном в 1799 г. [Стратегия в трудах военных классиков 1926, с. 28–62]. Наполеоновская эпоха пока еще не мыслила категориями военных операций в их современном понимании и не предусматривала четкой эмансипации стратегии от политики. Выдающийся швейцарский теоретик генерал А.-А. Жомини, систематизировавший полководческий опыт Бонапарта, в качестве надстройки над стратегией выделял «военную политику». В отличие от тактики и стратегии, искусству руководить военной политикой Жомини не пытался дать рационального описания и вместо этого относил его к области непостижимого и гениального. В дальнейшем на протяжении нескольких десятилетий многие авторы от Д. фон Бюлова до К. фон Клаузевица, в зависимости от силы их тяготения к нор-

мативным определениям, продолжали корректировать понятийный аппарат, и к середине XIX в. его формализация была в целом завершена.

Стратегия понималась как искусство применения войск в масштабе театра военных действий. Тактика была практическим навыком управления войсками непосредственно на поле сражения. В первую очередь речь шла о крупных генеральных сражениях, становившихся кульминацией военных усилий противоборствующих сторон на театре боевых действий. Основное время на войне армии проводили в походах и на маршах. Для удобства управления и снабжения полевая армия разделялась на корпуса и дивизии, которые с одного либо нескольких направлений устремлялись к той географической точке, где должна была разыгаться решающая битва. Если маневрирование войсками, наступательные движения и отступления, подчиненные принципу сосредоточения максимальных сил к месту предстоящего генерального сражения, занимали недели или даже месяцы, сама битва могла длиться лишь несколько часов. Немногие сражения продолжались более одного дня.

Задача военачальника и его штаба была двойственной. На стратегическом уровне функция полководца сводилась к искусному перемещению войск в пространстве, начиная от исходных квартирных районов армии к решающему пункту театра военных действий, на котором разыгрывалось генеральное сражение. В ходе сражения стратегия утрачивала всякое значение, и на первый план выходила тактика, то есть умение сокрушать неприятеля в бою. Тактика требовала от полководца навыка управлять большими массами пехоты, кавалерии и артиллерии на ограниченном пространстве поля сражения, умения сочетать поражение неприятеля огнем и непосредственным

ударом сомкнутых боевых порядков в ближнем бою.

По определению выдающегося советского военного теоретика комбрига Г.С. Иссерсона на протяжении большей части XIX столетия стратегия как высшая форма военного искусства представляла собой «стратегию одной точки» [Иссерсон 1937, с. 19]. Несмотря на то что генеральное сражение было актом предельного напряжения моральных, физических и материальных сил армии и ее полководца, в масштабе всей кампании оно оставалось «мгновением» во времени и «точкой» в пространстве.

Тыловое обеспечение во все времена играло на войне важную роль. Потребность армий XIX столетия в боеприпасах по меркам тотальных войн индустриальной эпохи, естественно, была незначительной, однако люди нуждались в пище, а лошади, как и любой другой использовавшийся при армии тягловый скот, требовали фуража. Без хорошо организованной провиантской части полководец на театре военных действий оказывался не в состоянии ни поддерживать силы войск, ни маневрировать. Содержание обоза само по себе также требовало расхода провианта и фуража. Снабжение на месте, существование на подножном корму, было допустимо лишь для очень небольших отрядов. Особенно трудно было питать тесно сосредоточенные массы войск на территории малолюдных стран, бедных продовольствием. В Испании и России для армии Наполеона это имело катастрофические последствия.

Процесс снабжения делился на несколько этапов. Сначала следовала заготовка провианта и фуража в тылу театра военных действий и на прилегающих к нему территориях. Процесс заготовления мог осуществляться в форме покупки, реквизиции или откровенного, ничем не прикрытого грабежа. Ис-

точником продовольственных ресурсов в зависимости от обстоятельств могли выступать подданные вражеской страны, население союзной державы, жители нейтрального государства либо соотечественники. Заготовленные припасы складировались. Эти склады размещались в городах, крепостях либо укрепленных лагерях, приближенных к району боевых действий армии. Далее, обозы доставляли необходимые припасы войскам. Чем меньшее расстояние они должны были при этом преодолеть, тем проще решалась задача снабжения. Если на театре военных действий имелись судоходные реки с подходящим направлением течения, широко использовался водный транспорт. Сплав баржами обходился значительно дешевле гужевых перевозок.

Цепь промежуточных складов, соединявшая полевую армию и районы заготовления провианта, между которыми циркулировали обозы, образовывала на карте условную линию, игравшую роль коммуникационной артерии. На театре военных действий коммуникации противника в ряде случаев могли стать не менее важной целью боевых операций, чем его полевая армия. Прямая и косвенная угроза коммуникациям могла побудить противника принять с целью их защиты сражение при неблагоприятном соотношении сил либо с перевернутым фронтом, когда тыл обращен в сторону занимаемой противником территории. Опасение за устойчивость коммуникационной линии могло побудить полководца к отступлению. Прерывание коммуникации было чревато разрушением регулярного снабжения полевой армии продовольствием, что могло иметь самые губительные последствия, а потому искусный военачальник обращал особое внимание на то, чтобы сделать свои сообщения максимально надежными и безопасными.

Для многих поколений русских военных историков учение генерала Г.А. Леера об операционных линиях являлось ключом к пониманию военного искусства Наполеоновской эпохи. Впоследствии Леер подвергался суровой критике за схоластический уклон и попытки вывести из наполеоновского опыта некие вневременные и универсальные законы военного искусства, легко могущие быть спроецированными на реалии XX в. Многочисленные книги Леера о стратегии и лекции, которые он читал в стенах Николаевской академии Генерального штаба, содержали в качестве идейной основы догматизированную теорию операционных линий. Они могли служить прекрасным дидактическим материалом при изучении военного искусства Наполеона, однако были практически бесполезны в деле подготовки будущего командного состава массовых армий начала XX в. Трагедия поколения учеников Леера заключалась в том, что к будущей войне многомиллионных армий их готовили, по сути, по учебнику военной истории. Но несмотря на практическую бесполезность лееровского учения об операционных линиях при подготовке будущих командиров Первой мировой войны, оно служило прекрасным ориентиром для понимания общей логики развития военных событий предшествовавшей эпохи.

Как считал один из ведущих советских военных интеллектуалов 1920–1930-х гг. комбриг А.М. Вольпе, «(...) Г.А. Леер, взявший в основание своей “Стратегии” учение об операционных линиях, возвел это учение в степень некоего потустороннего фактора. Определяя операционную линию как линию, обнимающую операцию по цели и направлению, Леер писал: “Обнимая голову и хвост явления (операции), операционная линия становится общим центром внутреннего разви-

тия всей стратегической операции, короче говоря, вопрос об операционной линии есть главный, центральный вопрос стратегии. Он все обнимает, все проникает, все и вся определяет» [Леер 1913, с. 33]. Однако, понимая шаткость такого мистического определения, Леер конкретизирует понятие об операционной линии, указывая на тройкое значение этого термина. Операционная линия Леером воспринимается: 1) как путь наступления – в виде умственной идеальной линии, направляющей ход всей операции, 2) как путь отступления и 3) как путь подвоза. По мнению Леера, операционная линия должна: 1) вести к важной цели, 2) быть удобной и 3) быть безопасной. Практическим результатом подобной теории могла быть только величайшая пассивность в ведении операций. Ибо для того, чтобы провести, например, операцию на окружение, никак нельзя было согласовать всех условий, требуемых Леером. В такой операции никак нельзя иметь ни безопасную, ни простую операционную линию. И действительно русский генералитет, воспитанный на лееровских принципах, не умел проводить ни одного маневра, что он ярко продемонстрировал во время русско-японской войны» [Вольпе 1931, с. 46–47].

Наступивший индустриальный век, с его стремительным технологическим прогрессом, вызвал в военном деле решительные изменения. Армии сделались многомиллионными. Развитие железных дорог резко уменьшало сроки мобилизации войск и упрощало их стратегическое сосредоточение. На театре боевых действий развитие военных событий более не исчерпывалось марш-маневром и одноактным генеральным сражением. Непрерывная последовательность боевых усилий отныне охватывала все физическое пространство театра. В результате между тактикой и стратегией потребовалось

связующее звено, получившее название «оперативного искусства». Как отмечал в своем исследовании американский военный историк Брюс Меннинг, термин «оператика» был введен в русский военный лексикон генералом А.В. Геруа. Позднее, в 1920-е гг., А.А. Свечин «заменял его менее изящным понятием “оперативное искусство”» [Меннинг 2016, с. 296].

Поскольку сила и эффективная дальность огня пехоты и артиллерии резко возросли, излюбленный наполеоновский стиль прямой атаки сомкнутыми массами войск сделался невозможным. Огневая мощь обороны теперь все более отчетливо превосходила пробивную силу средств наступления, тем самым создавая предпосылки для возникновения позиционного кризиса. Вначале он возник на уровне тактики, и его постепенное нарастание можно было наблюдать в ходе ряда полевых сражений гражданской войны в США 1861–1865 гг., франко-прусской войны 1870–1871 гг. и русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Возведение обороняющейся стороной даже импровизированных полевых укреплений делало их прямую фронтальную атаку бесперспективной. Успех на поле боя был возможен только в том случае, если на пространстве театра боевых действий удавалось обойти противника и охватить его с одного или лучше сразу с обоих флангов.

Когда военное искусство еще не мыслило категориями операций, успешное окончание войны, как правило, было простым механическим следствием высокой скорости первоначального стратегического сосредоточения и победы в генеральном сражении. Прусско-германские войска под командованием Г. фон Мольтке-старшего в ходе австро-прусской войны 1866 г. и франко-прусской 1870–1871 гг. сделали выбор в пользу линейного стратегическо-

го развертывания и последующего охвата противника, чем и решили в свою пользу исход генеральных сражений под Кенигрецем, Сен-Прива – Гравелотом и Седаном. В результате этих выдающихся побед в Европе возникла объединенная Германская империя.

В дальнейшем, по мере возрастания численности войск на театре боевых действий при одновременном отсутствии эффективных тактических инструментов преодоления полевой обороны рано или поздно должны были возникнуть сплошные позиционные фронты, пересекавшие все физическое пространство театра. Осенью 1914 г. во Франции и Бельгии в стремлении охватить открытый фланг противника противоборствовавшие стороны достигли пределов дальнейшего расширения линии фронта. Их фланги уперлись в естественные препятствия: Северное море и границы нейтральной Швейцарии. Таким образом, позиционный кризис, начавшийся во второй половине XIX в. по мере распространения скорострельного нарезного оружия на уровне тактики, в начале Первой мировой войны 1914–1918 гг. принял стратегические масштабы. Вплоть до окончания войны армии великих держав, даже несмотря на появление танков, истекали кровью в безуспешных попытках преодолеть глубоко эшелонированные линии траншей, опоясанных колючей проволокой и усиленных бетонированными огневыми точками.

Установившаяся позиционная фронтальность оказала существенное влияние на тыловое обеспечение. Многомиллионные армии, занимавшие статичные оборонительные рубежи, снабжались преимущественно по железным дорогам. Тотальный характер вооруженной борьбы предъявлял работе тыла принципиально более высокие требования. Ушли в прошлое прежние операционные и коммуникационные

линии, служившие каналами снабжения полевых армий провиантом и фуражом. Последний раз на страницах военной истории увидеть операционные линии в их прежнем значении можно было в ходе франко-прусской войны 1870–1871 гг. и русско-турецкой войны 1877–1878 гг. В период русско-японской войны 1904–1905 гг. роль коммуникационной линии для русской армии в Маньчжурии играли железнодорожные магистрали Транссиба и КВЖД. За стратегическими фронтами Первой мировой войны простиралась настоящая паутина из постоянных и временных железнодорожных веток. Она позволяла бесперебойно снабжать войска теперь уже не только продовольствием, но и огромным количеством боеприпасов, расход которых в сотни раз превысил все мыслимые довоенные расчеты.

Дальнейшие этапы развития организационных и оперативных форм были тесно связаны с процессом моторизации армии. На заключительном этапе Первой мировой войны автотранспорт в основном служил средством подвоза и связывал войска на передовой с железнодорожными станциями в тылу. Но в 1920–1930-е гг. насыщение полевых войск танками и колесным транспортом открыло дорогу настоящей революции в военном деле. Советская и германская военная мысль искали и в конечном счете нашли выход из тупика фронтальности в соединении огневой мощи и мобильности. Использование на поле боя высокоподвижных танковых дивизий и механизированных корпусов позволяло не просто добиться тактического прорыва позиционного фронта противника, но быстро расширить и углубить такой прорыв до оперативных масштабов.

В отличие от кровавых, но безрезультатных мясорубок на Западном фронте Первой мировой войны, когда, несмотря на массирование на узких участ-

ках атаки огромного количества пехоты и артиллерии, наступательные операции не имели решительных последствий и не приводили к обрушению позиционного фронта, теперь стало возможным преодолевать оборону практически любой плотности. Наступающий мог прорвать стратегический фронт на всю глубину его построения и нанести поражение резервам противника задолго до того, как тот успевал принять меры для восстановления разрушенной системы огня, сшивания образовавшегося в линии фронта разрыва и восстановления силы его сопротивления. Как известно, Вторая мировая война 1939–1945 гг. стала ареной массового применения крупных мобильных соединений, иногда сводившихся в танковые армии, которые насчитывали более тысячи единиц бронетехники и десятки тысяч единиц колесного автотранспорта.

В Советском Союзе новая оперативная теория стала известна под именем «глубокой наступательной операции». Решающую роль в ее разработке сыграл комбриг Г.С. Иссерсон. В случае с гитлеровской Германией схожую по смыслу оперативную теорию, хотя и не вполне точно, обычно именуют доктриной блицкрига.

Происхождение термина «блицкриг» столь же неочевидно, как и первоначальный смысл этой концепции. Немцы в 1930-е гг. не использовали его в смысле военной доктрины, и впервые в начале Второй мировой войны о блицкриге в пропагандистских целях заговорила британская пресса. Американский журнал «Time» в статье от 25 сентября 1939 г. назвал блицкригом операцию вермахта в Польше. В германской военной периодике понятие «блицкриг» относилось не к оперативно-стратегической области, но характеризовало тактические методы действий штурмовых групп пехоты в наступлении. Во всяком случае именно в

таком контексте оно впервые возникло на страницах журнала «Deutsche Wehr» в 1935 г. Вслед за англичанами, опять же в интересах пропаганды, термин «блицкриг» вошел в практику публичных выступлений А. Гитлера и сохранялся в ней до тех пор, пока в декабре 1941 г. советское контрнаступление под Москвой не положило конец надеждам на быстрое окончание войны и не скорректировало риторику фюрера [Gukeisen 2004–2005, p. 2].

Для Второй мировой войны было типично, когда наступление преследовало цель сокрушения либо восстановления стратегического фронта. Как правило, фронт был сплошным в том смысле, что его фланги упирались в естественные и непреодолимые препятствия, а сам он пересекал все физическое пространство театра боевых действий. На решающих театрах сухопутной войны фронт занимали многомиллионные армии. Кампания представляла собой последовательный ряд наступательных и оборонительных операций с целью расшатать и обвалить этот стратегический фронт методом глубокого рассечения его на одном либо сразу нескольких решающих направлениях.

Если рассмотреть советско-германский фронт Второй мировой войны в 1941–1945 гг., Западный фронт в 1944–1945 гг., Итальянский фронт в 1943–1945 гг. или сражения в Северной Африке в 1941–1943 гг., можно обнаружить, что кампания на них с незначительными нюансами разыгрывалась по достаточно типичному сценарию. Сторона, владевшая стратегической инициативой, накапливала для предстоявшей наступательной операции необходимые силы и средства, после чего наносила удар по противнику, занимавшему позиционную оборону.

Когда стратегическая наступательная операция развивалась успешно,

фронт мог быть сдвинут на расстояние от нескольких десятков до нескольких сотен километров. Такие наступления могли длиться неделями, но даже самые успешные операции после прохождения кульминационной точки успеха начинали выдыхаться, так как сказывались усталость войск, отставание тылов и уплотнение вражеской обороны. Наступала оперативная пауза, которую победитель использовал для подготовки следующей стратегической операции. На завершающем этапе Великой Отечественной войны в центральном секторе советско-германского фронта Красная Армия последовательно провела три стратегические наступательные операции, в результате которых в течение 11 месяцев советские войска от рубежа Днепра западнее Смоленска продвинулись до рубежа Эльбы в центре Германии.

В случае неудачи наступление либо захлебывалось – и тогда позиционное равновесие восстанавливалось, либо противник сходу переходил в контрнаступление и уже сам обваливал стратегический фронт атакующего. Нечто подобное в мае 1942 г. произошло в сражении под Харьковом на южном крыле советско-германского фронта и летом 1943 г. в ходе битвы на Курской дуге. Стороны, пытавшиеся перейти в наступление, потерпели сокрушительное поражение и по результатам контрнаступления противника оказались отброшены на сотни километров от исходного рубежа своих неудачных атак.

В эпоху тотальных войн и сплошных стратегических фронтов система тылового обеспечения представляла собой не коммуникационную линию, но более или менее густую сеть шоссейных и железных дорог, эшелонированных в глубину. Сеть тыловых коммуникаций была кровеносной системой тотальной войны. Опираясь на нее, фронт получал живую силу из маршевых попол-

нений, технику с заводов-изготовителей и с ремонтных баз, эшелоны боеприпасов, топлива, горюче-смазочных материалов и продовольствия. В тыловые госпитали эвакуировались сотни тысяч раненых, подбитая и поврежденная техника следовала в тыл на ремонт, а поток военнопленных распределялся по фильтрационным лагерям.

На протяжении столетий численность вооруженных масс, непосредственно участвовавших в сражении, росла достаточно постепенно. В 1812 г. на Бородинском поле с обеих сторон сошлось в битве около 260 тыс. чел., под Ваграмом в 1809 г. – 300 тыс. чел., под Геттисбергом в 1863 г. – 165 тыс. чел., при Седане в 1870 г. – около 320 тыс. чел. Бесспорным лидером по количеству сражавшихся на протяжении всего XIX в. оставалось эпическое четырехдневное Лейпцигское сражение 1813 г. В «Битве народов» приняло участие до 450 тыс. чел. с обеих сторон. Однако, начиная с последней четверти XIX в., численность кадровых войск и обученного запаса в армиях великих европейских держав стала возрастать по экспоненте. Так, в ходе Первой мировой войны в Германии число мобилизованных достигло 13 251 000 чел., или 19,7% населения страны, в России – 19 000 000 чел., или 10,5%, во Франции – 6 800 000, или 17,2% населения [Мировая война 1934, с. 12]. Прогнозы 1920–1930-х гг. обещали в случае следующей общеевропейской войны еще более тотальное мобилизационное и демографическое напряжение [*Триандафиллов* 1936, с. 42–60]. В 1941–1945 гг. через ряды Красной Армии и военизированных формирований других советских ведомств прошло 34,5 млн чел [*Рыбаковский* 2010, с. 37].

Таким образом, количественное наращивание боевых сил достигло во Второй мировой войне апогея, и после 1945 г. в развитии военной орга-

низации наметилась обратная тенденция. Появление ядерного оружия сделало невозможным ведение открытой войны между великими державами по сценарию тотальных противостояний XX в., поразивших воображение современников разрушительными последствиями. Как ни парадоксально, ядерное сдерживание оказалось гарантом мира. Страх взаимного уничтожения сделал существование стран «золотого миллиарда» беспрецедентно комфортным и безопасным.

Ядерное оружие скорректировало привычную логику войны, понимаемую в духе Клаузевица как продолжение политики, осуществляемое насильственными средствами. Оно стерло грань между победой и поражением, в то время как рациональный государственный прагматизм воспрещает вступать в борьбу, в которой заведомо невозможно одержать победу. После 1945 г. конфликты между великими державами не прекратились, но они приняли непрямую форму.

Когда войны перестают быть тотальными

Итак, во второй половине XX столетия ядерное оружие уменьшило значение массовых армий. Их численность постепенно сокращалась, а следом изменилась и система комплектования. Сегодня Западный мир практически повсеместно отказался от призыва. Массовая кадрово-резервная армия сохраняется лишь в немногих развитых странах. По мере уменьшения расчетной численности боевых сил, задействованных на потенциальном театре военных действий, позиционные стратегические фронты, для взлома которых требовались грандиозные «глубокие наступательные операции», должны были также уйти в прошлое. Есте-

ственно, этот процесс оказался значительно растянут во времени, и в большинстве локальных военных конфликтов, разгоревшихся после 1945 г., преобладали переходные оперативные формы.

К примеру, для Корейской войны 1950–1953 гг. сплошной стратегический фронт все еще был нормой. К весне 1951 г. там установилось позиционное равновесие, которое ни одной из сторон так и не удалось решительно поколебать. Этому способствовали как пространственная ограниченность театра войны на Корейском полуострове, так и его топографические особенности: две узкие приморские равнины, разделенные труднодоступным горным хребтом [Boose 2008].

В Шестидневной войне 1967 г. израильское наступление на Синайском полуострове вначале встретило довольно энергичное противодействие. Штурм приграничных укрепленных районов под Рафияхом, Абу-Аджейлой и Умм-Катефом проходил при ожесточенном сопротивлении египтян и стоил цахалу серьезных потерь. Однако приказ об отступлении, поступивший из Каира на второй день войны, на фоне прогрессирующего оперативного паралича привел армию Г. Насера к быстрому развалу. Хаос, начавшийся в высших штабах, постепенно проник вниз – на уровень дивизий, бригад и отдельных батальонов. В водовороте неконтролируемых событий египетская армия на Синае как организованная боевая сила вскоре перестала существовать. За исключением первого дня войны, кампания на Синае развивалась преимущественно в форме общего преследования побежденных арабов, пытавшихся оторваться от противника и откатиться за Суэцкий канал.

Преимущественно позиционный характер имела и кровопролитная восьмилетняя ирано-иракская во-

йна 1980–1988 гг. По ряду причин противостоявшие друг другу армии не сумели провести ни одной наступательной операции оперативного-стратегического масштаба. Все их успехи ограничивались областью тактики. Такая оценка справедлива даже в отношении иракского наступления на полуострове Фао в апреле 1988 г. – наиболее яркого успеха Багдада в той войне. Иракским войскам мешал общий недостаток профессионального мастерства и тяжелый кризис штабного управления крупными боевыми соединениями, который неповоротливая военная машина Саддама Хуссейна изживала крайне медленно. Иранская же армия после исламской революции 1979 г. оказалась дезорганизована и на какое-то время практически утратила боеспособность.

Впоследствии революционному правительству в значительной степени удалось исправить положение, однако по мере затягивания войны Тегеран столкнулся с возрастающим материальным бессилием. Относительная слабость собственной промышленной базы на фоне прекращения военно-технического сотрудничества со странами Запада не позволяла Ирану восполнять боевые потери в танках, самолетах и артиллерийских орудиях. Усугубляющийся дефицит запасных частей затруднял полноценную эксплуатацию даже той техники, что пока еще оставалась в строю. В результате обе армии, следуя по пути наименьшего сопротивления, зарылись в землю и вплоть до окончания войны не смогли изменить в свою пользу установившееся позиционное равновесие.

Вместе с тем в других локальных конфликтах, происходивших после 1945 г., неожиданным образом проявились оперативные формы, характерные для более ранней эпохи, предшествовавшей всеобщему распространению принципа фронтальности. Естествен-

но, откат к этим архаичным формам происходил на принципиально ином военно-техническом уровне. В качестве примера здесь можно привести Октябрьскую войну 1973 г. Если рассмотреть кампанию на египетском фронте, то на первом ее этапе, когда египтяне форсировали Суэцкий канал и закрепились на береговых плацдармах, а израильские контратаки с большими потерями захлебнулись, возникла на первый взгляд достаточно стабильная линия фронта [Шазли 2008; Asher 2009]. Однако этой линии уже не суждено было стать позиционной.

Вместо сплошных линий траншей и опорных пунктов, опоясанных рядами колючей проволоки, существовал некий достаточно условный рубеж, после пересечения которого наступавшая сторона оказывалась в зоне действия организованной системы огня противника. При попытке двинуться на восток к синайским перевалам египетскую бронетехнику ожидал точный огонь сотен израильских танков, укрытых за обратными скатами высот. Хорошо обученные танковые экипажи цинично были особенно опасны именно в дуэльных ситуациях, когда рельеф позволяли им вести огонь на максимальную дальность, укрываясь за складками местности. Кроме того, после выхода египтян из-под прикрытия «зонтика» противовоздушной обороны им угрожали удары израильских ВВС, господствовавших в воздухе [Cohen 1996, pp. 321–391]. Израильскую же армию при попытке подойти к каналу ждал град управляемых противотанковых ракет, запускаемых из замаскированных укрытий на плацдармах, и ураганный артиллерийский огонь египетских батарей, расположенных на западном берегу канала. Фронт, разделивший сражавшихся в физическом смысле, не представлял из себя укрепленной оборонительной линии. Он оставался ста-

тичным лишь постольку, поскольку обе стороны по умолчанию считали его таковым.

На втором этапе войны, когда израильской армии удалось прорвать египетскую оборону и форсировать канал, театр войны с востока на запад пронизала хорошо знакомая по оперативным формам XIX столетия коммуникационная линия, вдоль которой осуществлялось снабжение трех дивизий цахала на африканском берегу. За контроль над этой коммуникационной артерией разгорелись напряженные и кровопролитные бои [McGrath 2005, pp. 63–109]. К этому времени израильские бригады и дивизии утратили локтевую связь друг с другом. Линейное расположение войск сохранялось лишь в районах, занимаемых египетскими силами на плацдармах, соответственно, к северу и югу от Большого Горького озера. Однако между ними – там, где израильтяне вбили клин и совершили прорыв, – тянулась длинная коммуникационная линия, на конце которой действовали разошедшиеся веером танковые дивизии генералов А. Адана, А. Шарона и К. Магена [Nicholson 2011, pp. 161–187]. Эта линия начиналась от израильских баз снабжения в центре Синая в районе Тасы, далее она тянулась к израильским переправам через канал у Деверсуара, а оттуда практически под прямым углом поворачивала к югу в направлении города Суэц [Owen 1984].

Израильский плацдарм на африканском берегу отрезал египетскую 3-ю армию, изолируя ее войска на восточной стороне канала. Условность линии фронта и отсутствие локтевой связи между бригадами, действовавшими в египетском тылу после прорыва цахала на африканский берег Суэцкого канала, свидетельствовало о постепенном отходе от традиций Второй мировой войны. Особенно ярко это проявлялось ввиду сравнительно высокой

плотности построения войск на синайском театре, где на фронте протяженностью всего лишь около 200 км действовало с каждой стороны приблизительно по 100 000 чел. и по 1000 танков [Gawrych 1996].

Постепенный отход организационных и оперативных форм от принципов и методов развертывания многомиллионных армий в сплошные стратегические фронты имел под собой многообразные предпосылки. В 1970–1980-е гг., после окончания войны во Вьетнаме, сухопутная армия США подверглась глубокому реформированию. Комплектование ее по призыву прекратилось. В ходе реорганизации ставка была сделана на создание мощных межвидовых соединений, укомплектованных по штатам военного времени на постоянной основе. Большие усилия были вложены американцами в их техническое перевооружение. Именно в 1980-е гг. американские сухопутные войска были в массе своей оснащены такими боевыми системами, как танки М1 «Абрамс», БМП М2 «Брэдли», вертолеты огневой поддержки АН-64 «Апач», многоцелевые вертолеты УН-60 «Блэкхок» и ЗРК М1М-104 «Пэтриот».

В результате к середине 1980-х гг., по сравнению с Советским Союзом, страны НАТО имели в строю сухопутных войск гораздо меньшее количество дивизий и бригад, но с точки зрения технического оснащения последние опережали войска стран Варшавского договора. Американские танковые и механизированные дивизии на западноевропейском театре, реорганизованные в соответствии со штатами образца 1986 г., были сведены в V-й и VII-й армейские корпуса. Эти «тяжелые» дивизии представляли из себя хорошо сбалансированные и самодостаточные в боевом отношении соединения с мощными постоянно развернутыми тылами. Особенно внушительно выглядели

их противотанковые средства, в частности вертолеты огневой поддержки, которых в каждой такой дивизии было больше, чем в советской танковой армии. В организационном отношении дивизии имели плавающую бригадную структуру. Штабы бригадных боевых групп при ведении боевых действий в зависимости от конкретной тактической обстановки должны были объединять батальоны различного типа. По некоторым оценкам штат «дивизий-1986» послужил основой для создания в Советской Армии в 1980-е гг. экспериментальных отдельных гвардейских армейских корпусов [Феськов, Калашиников, Голиков 2004, с. 13]. Эти корпуса были образованы по инициативе начальника Генерального штаба маршала Н.В. Огаркова и также имели бригадную структуру. Для максимального расширения диапазона боевых задач в их состав вводились эскадрильи транспортных и штурмовых вертолетов, а также отдельный десантно-штурмовой полк.

На протяжении большей части XX в. американские доктринальные документы не содержали какой-либо цельной военной философии и не отражали законченной системы взглядов в области оперативного искусства. Как правило, это были самые обычные наставления по тактической подготовке войск [Eisel 1992, p. 13]. Учение об оперативном уровне войны впервые было внедрено в американскую военную доктрину в 1982 г. – спустя полвека после выхода в СССР программной работы на эту тему. И хотя американцы корректировали свои представления в значительной степени с оглядкой на достижения советской военной мысли, основные положения этой теории они все же интерпретировали неверно. В отличие от советской традиции, США рассматривали оперативный уровень войны предельно утилитарно, – как

средство ограничения вмешательства политиков в чисто военные вопросы. Это виделось одним из способов дальнейшей профессионализации офицерского корпуса в духе воззрений С. Хантингтона на природу гражданско-военных отношений [Huntington 1981, p. 81].

Советский подход предполагал органичную интеграцию тактики и стратегии на каждом отдельном эшелоне командования. Американский же был нацелен на их разделение с целью предотвратить повторение тренировок, возникавших во Вьетнаме, где тактические победы так и не переросли в стратегические и политические успехи [McGrew 2011, p. 13]. Военная теория США рассматривала понятия «оперативное искусство» и «оперативный уровень войны» в качестве взаимозаменяемых, что создавало лишь ненужную путаницу [McGrew 2011, p. ii]. Согласно первоначальному замыслу учение об оперативном уровне войны должно было прочертить строгую границу между политическим решением и его последующим военным исполнением [McGrew 2011, p. 5]. Однако вследствие политической природы войны оказалось невозможным ограничить влияние политики на принципы и методы тактического использования войск [McGrew 2011, p. 1].

Поскольку в американской военной системе «оперативный уровень» изначально трактовался превратно, он приносил мало практической пользы и вместе с тем никак не ограничивал возможности политиков по вмешательству в процесс боевого управления войсками [McGrew 2011]. В конечном счете, самым пагубным последствием его внедрения стала дальнейшая рассинхронизация тактики, стратегии и политики, от которой США не удалось избавиться и в XXI в.

Как уже было сказано выше, Октябрьская война 1973 г. впервые обозначила вектор отхода от принципа по-

зиционной фронтальности. Но развитие многообразных явлений военной действительности редко имеет линейный и стадиальный характер. На этом пути вполне возможны некоторые откаты назад. Ярким примером последнего стала операция «Буря в пустыне», в которой широкомасштабное применение новейших технических средств сочеталось с частичным возвратом к привычному стратегическому фронту и линейному построению войск в наступлении.

Благодаря подавляющему технологическому превосходству, США одержали победу при беспрецедентно низком уровне потерь. За 6 недель войска коалиции, насчитывавшие 795 000 чел., потеряли убитыми всего 240 чел. Один погибший в среднем приходился на 3000 военнослужащих. Это составляло в пропорции менее 1/10 израильских потерь в Шестидневной войне 1967 г.; менее 1/20 потерь вермахта при завоевании Польши и Франции в 1939–1940 гг.; менее 1/1000 потерь американской морской пехоты при штурме атолла Тарава в 1943 г. [Biddle 1996]. Потери оставались минимальными, несмотря на то что большинство боев приняло характер фронтальных столкновений, в которых войска США крушили противника, действуя либо в лоб, либо с заранее очевидных операционных направлений без каких бы то ни было ухищрений.

Управление операций осуществлялось предельно централизованно. Маневру и проявлению инициативы не было места на уровнях, лежавших ниже штаба армейского корпуса [Eisel 1992, р. 37; Leonhard 1991, р. 269]. 21 бригадная боевая группа в организационном отношении сводились в шесть дивизий. Они были выстроены плечом к плечу и последовательно двигались вперед от рубежа к рубежу. Американское командование более полагалось на огне-

вую мощь, чем на маневр. Главный удар наносил переброшенный из Западной Германии VII-й армейский корпус, насчитывавший около 1500 одних только танков. Левый фланг коалиционных сил был прикрыт относительно слабо. Чем-то это напоминало ситуацию Африканской кампании 1940–1943 гг., когда правый фланг британцев упирался в Средиземное море, а левый терялся в песках Ливийской пустыни, а потому практически всегда мог быть обойден. Правда, иракская армия в плане тактического совершенства была бесконечно далека от Африканского корпуса Э. Роммеля, и, принимая во внимание ее пассивность, угроза неожиданного контрудара с этого потенциально опасного направления не выходила за разумные пределы.

Хотя после 1991 г. большинство экспертов поспешили заявить о наступлении революции в военном деле, более осторожные из них предостерегали от далеко идущих выводов [Biddle 1996]. Плотная спрессованность американских боевых порядков в ходе операции «Буря в пустыне» и линейное расположение войск по оперативным формам напоминали скорее стратегическую фронтальность первой половины XX в., нежели свободное перемещение самодостаточных общевойсковых соединений в пространстве театра боевых действий, элементы которого можно было наблюдать в динамичных боевых столкновениях Октябрьской войны 1917 г.

Американский поход на Багдад и закат оперативного искусства

В ряду событий, определивших развитие оперативных и организационных форм современной войны, иракская кампания 2003 г. занимает особое место. К началу XXI в. режим Саддама Хусейна

находился в герметичной международной изоляции. После террористических актов 11 сентября 2001 г. в ближайшем окружении президента Дж. Буша-младшего было принято принципиальное внешнеполитическое решение о подготовке интервенции. В надвигавшейся войне Ирак не имел реальных шансов избежать поражения, и сражаться ему предстояло лишь за то, чтобы нанести американцам максимальный урон и продлить агонию безнадёжного сопротивления. Иракское командование не желало растрачивать свои скудные силы, оспаривая южные районы страны, и вместо этого решило принять генеральное сражение в географическом центре Ирака, вблизи городов так называемого «суннитского треугольника». На преданность их населения Саддам по этно-конфессиональным соображениям имел основания рассчитывать. Именно там, на южных и юго-восточных подступах к столице, были сконцентрированы наиболее ценные в боевом отношении дивизии иракской республиканской гвардии.

Операция против Ирака находилась в ведении ближневосточного регионального «Центрального командования», возглавляемого генералом Т. Френксом. Оттуда нити боевого управления тянулись вниз, к так называемому «Командованию сухопутного компонента объединенных сил» генерал-лейтенанта Д. МакКирнана, функционировавшему на базе боевого управления 3-й армии. Соответственно, ему подчинялись V-й армейский корпус и I-й экспедиционный корпус морской пехоты. Экспедиционный корпус состоял из 1-й дивизии морской пехоты, 2-й экспедиционной бригады морской пехоты и британской 1-й танковой дивизии. V-й армейский корпус генерал-лейтенанта У. Уоллеса координировал действия 3-й механизированной дивизии генерал-майо-

ра Б. Блонга, 101-й десантно-штурмовой дивизии, штаба и 2-й бригады 82-й воздушно-десантной дивизии, а также отдельных подразделений 3-й бригады 1-й танковой дивизии [McGrath 2006, p. 214]. Отдельная 173-я воздушно-десантная бригада, выброшенная парашютным способом на севере Ирака, в оперативном отношении сохраняла автономию [Tunnel 2006].

По американской традиции, бригады не имели фиксированной штатной структуры. В зависимости от тактической обстановки сводные боевые группы, создаваемые под управлением бригадных штабов, компоновались из того или иного набора находившихся в составе дивизии батальонов: танковых, механизированных (аэромобильных в «легких» дивизиях), инженерно-саперных, противовоздушных, артиллерийских, разведывательных, боевого обеспечения и других. Батальонные тактические группы, входившие в состав бригад, в свою очередь также комбинировались из различных родов войск по аналогичной схеме. «Кирпичиками», из которых они сооружались, служили роты, и лишь эти последние сохраняли относительную структурную гомогенность. Как и бригады в составе дивизии, батальоны в составе бригады сохраняли тактическую самостоятельность и в разумных пределах могли действовать независимо друг от друга.

В ходе операции «Буря в пустыне» 1991 г. американская сухопутная армия, за вычетом сил корпуса морской пехоты, ввела в сражение 21 бригадную боевую группу. При разгроме и оккупации Ирака весной 2003 г. количество задействованных на поле боя сил сократилось до 8 бригадных боевых групп [McGrath 2004, p. 111]. Однако характер их боевого применения никоим образом не напоминал «Бурю в пустыне».

План американского командования состоял в том, чтобы стремитель-

но прорваться в центральные районы Ирака, нанести поражение главным силам армии и республиканской гвардии, предположительно собранным на берегах Евфрата около города Кербела, что в 70 км к юго-востоку от Багдада, а затем блокировать столицу. Расчет строился на том, что прорыв американских войск к Багдаду вызовет падение саддамовской диктатуры [McGrath 2004, p. 113].

3-я механизированная дивизия генерал-майора Блонта пересекла иракскую границу в ночь с 20 на 21 марта 2003 г. Ее левый, то есть западный, фланг был совершенно открыт. К правому флангу примыкали части I-го экспедиционного корпуса морской пехоты. Еще восточнее, в направлении Басры, продвигалась британская 1-я танковая дивизия [McGrath 2006, p. 212]. Во втором эшелоне V-го корпуса двигались три десантно-штурмовые бригады 101-й дивизии и одна парашютно-десантная бригада 82-й дивизии, усиленные «тяжелыми» подразделениями 3-й бригады 1-й танковой дивизии. Десантники должны были охранять коммуникационную линию 3-й механизированной дивизии и принять у нее эстафету в блокаде городов Самава, Наджеф, Кербела и Эль-Хилла, тем самым высвобождая «тяжелые» бригады для броска к иракской столице [McGrath 2004, p. 111].

Поход на Багдад занял 22 дня. Войска продвигались вперед с исключительно высокой маршевой скоростью, значения которой оставляли далеко позади показатели даже самых блестящих танковых операций Второй мировой войны. Перейдя границу, американцы преодолели 350 км менее чем за 40 часов. Только за первый день наступления передовые части 3-й механизированной дивизии прошли около 240 км. Средняя маршевая скорость подразделений временами достигала 38 км/ч [McGrath 2004, p. 116].

Кампания разделилась на два этапа. Сначала, 20–24 марта, американцы осуществили прорыв к городу Наджеф. Далее установилась пятидневная оперативная пауза, и с 30 марта по 8 апреля состоялся второй и завершающий этап похода на Багдад. Важную роль в наступлении американцы отводили так называемому «объекту Рамс» – обширному участку пустыни к юго-западу от Наджефа, избранному командованием V-го армейского корпуса для оборудования промежуточной базы тылового обеспечения примерно посередине 700-километровой коммуникационной линии, ведущей от кувейтской границы к Багдаду [McGrath 2004, pp. 115–116].

К 29 марта разведывательный батальон и три бригадные боевые группы 3-й механизированной дивизии завершили сосредоточение около Наджефа и подготовились к генеральному сражению, которое должно было разыграться на Евфрате [McGrath 2004, pp. 115–116]. Там, в ожидании неизбежной развязки, их ждали главные силы иракской республиканской гвардии – дивизии «Медина» и «Навуходоносор». Генеральное сражение стало комбинацией пяти ударов на фронте, простиравшемся между городами Кербела, Эль-Хиндия и Эль-Хилла [McGrath 2006, p. 214]. Четыре из них были ложными либо вспомогательными. Главный удар наносился американцами на левом фланге – через узкий проход между городом Кербела и озером Эль-Мильх. Наступление осуществлялось в тесном взаимодействии с авиацией.

Американское командование преследовало цель выманить рассредоточенные и замаскированные подразделения иракской республиканской гвардии из укрытий и заставить их перемещаться в дневное время. Расчет строился на том, что иракцы, пытаясь контратаковать либо прикрыть угрожаемые направления, тем самым должны

будут подставиться под удары авиации [McGrath 2006, p. 212]. Из-за практически полного отсутствия противодействия американские ВВС могли не отвлекаться на задачи по завоеванию господства в воздухе, которые в ином случае получили бы приоритет. 79% боевых вылетов были связаны с непосредственной поддержкой сухопутных войск [Fontenot, Degen, Tohn 2004, p. 250].

Наступление передовых отрядов 3-й механизированной дивизии началось 30 марта 2003 г. Основные силы американцев пришли в движение на следующий день. В ночь с 1 на 2 апреля 1-я бригадная боевая группа преодолела Кербельский проход. Днем 2 апреля она форсировала Евфрат у Мусай-иба. На рассвете 3 апреля американцы столкнулись с самой мощной иракской контратакой за всю войну – против их плацдарма на Евфрате двинулась 10-я танковая бригада дивизии «Медина». Абсолютное господство американских ВВС в воздухе и подавляющее превосходство в техническом оснащении не оставило республиканской гвардии шансов на успех. В тот же день 2-я бригада, пройдя через позиции занимавшей плацдарм 1-й бригады, устремилась к столице. Когда угроза иракских контратак миновала, 1-я бригада также выступила в северном направлении и овладела Багдадским международным аэропортом. В результате город оказался блокирован с юга и запада. 3-я бригада тем временем еще оставалась у Кербелы, где добивала разрозненные очаги сопротивления иракцев. 5 апреля она была сменена частями 101-й десантно-штурмовой дивизии, после этого, двигаясь по следам своих товарищей, 3-я бригада миновала переправу у Мусай-иба, обошла Багдад по дуге и растянулась кордонной линией вдоль его северных пригородов. Изоляция иракской столицы была окончательно завершена после того, как с востока к ней

подошла американская морская пехота [McGrath 2004, p. 122].

Решение принять сражение не в самом городе, что вынудило бы американцев штурмовать пятимиллионный Багдад силами пусть и превосходно оснащенной, но все же одной-единственной дивизии, а на берегах Евфрата стало роковой ошибкой Саддама. Разгром основных полевых сил иракской армии в генеральном сражении между Кербелой и Эль-Хиллой решил судьбу Багдада и позволил американцам овладеть городом с ходу. 7 апреля американские войска прорвались в центр иракской столицы и закрепились в правительственном квартале. К 9 апреля организованное сопротивление прекратилось [McGrath 2004, p. 124].

Кампания 2003 г. знаменовала решительный отход от принципа позиционной фронтальности. Компактные по численности и сбалансированные по составу межвидовые соединения американской армии буквально парили, ничем и никем не сдерживаемые, в границах театра военных действий. Они сочетали гибкость форм боевого применения с тактической самодостаточностью. Временами в походе бригадные боевые группы рассыпались на пространстве 200 км по фронту и 300 км в глубину. Нередко между ними образовывались более чем 100-километровые интервалы [McGrath 2004, p. 127].

Подобно корпусам Великой армии Наполеона, самодостаточные межвидовые соединения американцев большую часть времени перемещались по театру военных действий походным порядком. Генеральное сражение заняло всего лишь три дня в общем ряду событий этой 22-дневной кампании. За исключением решающего сражения, крупные боевые столкновения завязывались лишь при подходе американцев к крупным городам, которые в соответствии с планом они стремились изолировать.

Возникновение столь нехарактерного для XX столетия стиля ведения боевых операций проще всего было бы объяснить технической немошью иракского сопротивления. Однако такое объяснение вызывает большие сомнения, потому как в прошлом столетии попытки действовать методами американского командования в Ираке не обещали успеха даже перед лицом противника, заведомо уступающего в вооружении. Например, в ходе итало-абиссинской войны 1935–1936 гг. на Эритрейском театре возник все тот же позиционный фронт, хотя в относительном выражении техническое превосходство итальянцев над эфиопским войском было никак не менее подавляющим, чем преимущество армии США над иракцами в 2003 г. Палитра причин, порождающих новые оперативные формы, судя по всему, является достаточно пестрой, а потому сводить все к одному лишь техническому параметру будет ошибкой.

В кампании 2003 г. мы не увидим характерного для оперативного искусства XX в. растянутого во времени и распределенного в пространстве непрерывного напряжения боевых усилий. Вместо этого, словно бы речь шла об эпохе Наполеона и Мольтке, выигрыш кампании стал производным от быстрого стратегического сосредоточения к решающему пункту театра войны и победы в генеральном сражении. Если нанести развитие военных событий на карту, то для визуального отображения их сути проще всего будет прочертить коммуникационную линию, ведущую от «лагеря Доха» в Кувейте через границу в направлении города Самавы, а оттуда к Наджефу, Кербеле и Багдаду. Не случайно американский военный историк Д. МакГрат, увидев в оперативных формах кампании 2003 г. явную переключку с военным искусством XIX столетия, сравнивал ее не с хроно-

логически близкой «Бурей в пустыне», но с походом экспедиционной армии генерала У. Скотта на Мехико в 1847 г. [McGrath 2006, p. 26].

Как мы помним, XIX в. основным расходным материалом войны было продовольствие, и коммуникационные линии служили каналом снабжения армии провиантом и фуражом. В эпоху тотальных противостояний акцент в снабжении войск сместился в сторону боеприпасов, необходимых для питания интенсивного и продолжительного огневого боя, характерного для войн индустриальных государств. В наши дни распространение высокоточного оружия снизило общий расход боеприпасов, и теперь для успеха наступления уже не требуется выпускать миллионы снарядов и засыпать противника ковром свободнопадающих бомб. Зато резко возрос расход топлива, поскольку моторизация армии сделалась сто процентной, а вся линейка двигателей, устанавливаемых на технике, по сравнению с серединой прошлого столетия, теперь обладает значительно большей мощностью.

Превращение вертолетной авиабригады в один из подвижных сегментов «тяжелой» американской дивизии, предусмотренное программой 1986 г., вызвало резкий рост потребности в горючем. В ходе продвижения по территории противника авиационная компонента дивизии как межвидового соединения должна неотступно следовать за ее боевыми подразделениями, так как тактический радиус у вертолета ограничен в сравнении со штурмовиками и бомбардировщиками. В динамике операции авиабригада не может долго оставаться на одном месте. Она должна быть готова в любой момент покинуть стационарный аэродром и следовать за своей дивизией, для чего все элементы ее аэродромной инфраструктуры должны обладать высокой мобильностью.

В багдадском походе 2003 г. «объект Рамс», запланированный американцами под создание промежуточной базы тылового обеспечения, был после ожесточенного боя взят 2-й бригадой 3-й механизированной дивизии вечером 22 марта. И уже через сутки, в ночь с 23 на 24 марта, с оборудованных на нем полевых взлетных площадок поднялись в воздух штурмовые вертолеты AH-64D из 11-й авиационной группы V-го корпуса, чтобы атаковать дивизии иракской республиканской гвардии между Кербелой и Эль-Хиллой [Fontenot, Degen, Tohn 2004, p. 179]. Операция завершилась неудачей, так как иракцы в тот раз понесли минимальные потери, но поражала стремительность совершенного американцами аэродромного маневра.

По опыту «Бури в пустыне» отдельно взятая танковая либо механизированная дивизия сухопутных войск США требовала в сутки 2300 тонн горючего [Brown 2005]. В 2003 г. потребность в топливе относительно немногочисленной американской группировки, собранной на иракском театре, доходила до 9000 тонн в сутки. Для сравнения в 1944 г. на Западном фронте во Франции миллионный американский контингент в экспедиционных силах генерала Д. Эйзенхауэра потреблял всего лишь 3600 тонн горючего ежедневно [Fontenot, Degen, Tohn 2004, p. 146].

Увеличение подвижности сегодня связывается не столько с автотранспортом, сколько с насыщением армии вертолетами. Общая траектория военного строительства в ведущих армиях мира такова, что следом за Соединенными Штатами вооруженные силы России и Китая, имея в виду возможность «вертикального охвата» противника, с высокой долей вероятности сделают армейскую авиацию и аэромобильные подразделения неотъемлемой частью крупных полевых соединений.

Если в 1980–1990-е гг. подобные организационные новации могла себе позволить лишь богатейшая страна мира, в дальнейшем, по мере постепенного замедления темпов научно-технической революции, сопоставимые возможности обретут сухопутные войска и других великих держав.

Хотя возникновение новых оперативных форм не обусловлено только лишь развитием техники, новые явления военной действительности невозможно представить в отрыве от достижений материального прогресса. В 2003 г. интегрированная цифровая система боевого управления в американской армии связывала все звенья командной цепочки от командира корпуса до командира танка. Штабы в режиме реального времени имели полную тактическую картину положения своих подразделений. Связь, благодаря мощной орбитальной группировке, функционировала бесперебойно и, в отличие от радио, действовала на любом расстоянии. Командир корпуса, сидя в кресле штабного бронетранспортера, на электронной карте ноутбука мог в режиме реального времени наблюдать перемещение всех своих сил вплоть до отдельных танков и бронемашин [McGrath 2006, p. 217].

На пути к Багдаду американские бригадные боевые группы исполняли причудливую чехарду, раз за разом как бы проскакивая через боевые порядки друг друга. 2-я бригадная группа под Самавой прошла через позиции разведывательного батальона, чтобы продолжить свой марш к Наджефу, 3-я бригада перекатилась через 1-ю в ходе боев за аэродром Талиль под Насирией. Наконец, в разгар генерального сражения на Евфрате 2-я бригада просочилась сквозь 1-ю бригаду на плацдарме у Мусайиба. В прошлом подобные действия неизбежно привели бы к переклесту транспортных по-

токов и перемешиванию колонн снабжения в тылу. Это гарантировало хаос на дорогах и приостановку всякого по ним движения. Однако, как можно убедиться, современные средства боевого управления позволяют синхронизировать и согласовать даже самые замысловатые движения войск, чем открывают возможность для смелых и весьма рискованных маневров [McGrath 2004, p. 105].

Наличие цифровых систем боевого управления облегчало американским командирам наиболее целесообразное в тактическом смысле применение войск в бою [McGrath 2004, p. 114]. За свой тыл и фланги им можно было не опасаться. Противник имел минимальные возможности для скрытных перемещений крупных подразделений и, следовательно, для неожиданных контра-так и организованного боевого противодействия. Полагаться он мог преимущественно на засады, которые даже в случае успеха не обещали перехвата тактической инициативы. С высокой долей вероятности можно предположить, что в будущем наступательные операции в локальных конфликтах, примут схожие формы даже при менее выраженной диспропорции в техническом оснащении сторон.

Политико-стратегические реалии нашего времени сигнализируют об очевидном ослаблении принципа тотальности. При этом изменения коснулись формы, но вовсе не природы войны. Вероятное направление эволюции военного дела в свете опыта последних кампаний вырисовывается достаточно определенно. Сухопутные армии в государствах, претендующих на самостоятельную внешнеполитическую роль, будут развиваться по линии сокращения количества людей в строю при одновременном наращивании огневой мощи и широком внедрении автоматизированных боевых систем.

Современные соединения стали не просто хорошо сбалансированными и общевойсковыми, они сделались по-настоящему межвидовыми. По причине огромной стоимости их оснащения и содержания на театре войны может быть развернуто лишь строго ограниченное количество таких соединений. Они смогут перемещаться в границах поля боя и театра войны, подобно корпусам Великой армии, сочетая контролируемое рассредоточение по огромной площади и столь же стремительное стягивание в кулак для нанесения решающего удара. На марше и в бою ударные группы может разделять большое расстояние, тем не менее действовать они будут в соответствии с общим и единым замыслом.

Фронт боевого развертывания войск в момент завязки решающего сражения в новых условиях вряд ли будет превышать несколько десятков километров. Во многом его исход будет определяться результатами предшествующей ему борьбы за господство в воздухе. Авиация наряду с боевыми и разведывательными беспилотными аппаратами, а также средствами радиоэлектронной борьбы и космической разведки будет оказывать едва ли не решающее влияние на исход борьбы. От способности авиации захватить господство в воздухе, нейтрализовать вражескую ПВО, изолировать театр боевых операций, отслеживать в режиме реального времени перемещение войск противника и воздействовать на них при помощи высокоточного и обычного оружия, – во многом и будет зависеть исход генерального сражения, а значит, и войны в целом.

Успех в генеральном сражении отдаст большую часть страны во власть победителя, поскольку проигравший уже не сможет восстановить силы до окончания кампании. Некоторые надежды можно будет возлагать на резер-

вы, но в войнах будущего они уже не смогут играть прежнюю роль. Для этого их будет слишком мало. Огромная стоимость современной техники, отсутствие ее излишков, которые можно было бы про запас складировать еще в мирное время, сложность подготовки войск, умеющих эффективно применять современное оружие, сделает невозможным создание новых частей и соединений поточным методом. Следовательно, потеря кадровой армии, наиболее ценной в профессиональном отношении и наилучшим образом оснащенной технически, может во всех отношениях стать для государства фатальной.

Даже если придерживаться традиционного взгляда на войну как на продолжение политики другими средствами, даже если не предпрекать ослабление государственного начала в социально-политической жизни стран и народов, даже если усомниться в том, что внутренние конфликты вскоре подменят собой традиционные войны между государствами, – вопрос о том, какой будет война будущего, не может быть снят с повестки дня.

По всей видимости, мы имеем дело с закатом оперативного искусства. Ввиду меняющихся организационных форм, боевые усилия будут утрачивать хронологическую непрерывность и прежний размах по фронту и глубине. Тем самым исчезнут и те важнейшие признаки, которые в XX в. обусловили возникновение отдельного от тактики и стратегии оперативного яруса в руководстве войной. Если исход борьбы на театре боевых действий вновь будет определяться успехом первоначального стратегического развертывания и победой тактики в одноактном генеральном сражении, для оперативного искусства просто не останется функциональной ниши. Тем самым воен-

ное искусство опишет в своем развитии замкнутый логический круг. Уходя от позиционной фронтальности и непрерывной последовательности боевых эпизодов, оно вернется к своей противоположности: протяженному во времени подготовительному марш-маневру и кульминации, наступающей в результате скоротечного генерального сражения. Этим может завершиться возврат к бинарной системе в виде тактики и стратегии.

Конечно же, колесо истории вспять не вращается! На полях сражений будущего мы не вдохнем кислый дым черного пороха, не услышим топота конских копыт и не станем свидетелями отчаянных штыковых атак. Однако логика, которой будут следовать крупные военные операции XXI в., станет нам гораздо понятнее в свете опыта не XX, но XIX столетия.

Список литературы

- Вольпе А.М. (1931) Фронтальный удар. М.: Госвоениздат.
- Иссерсон Г.С. (1937) Эволюция оперативного искусства. Изд.2. М.: Воениздат.
- Леер Г.А. (1913) Стратегия. Т.1. Изд.2. СПб.
- Меннинг Б.У. (2016) Пуля и штык. Армия Российской империи 1861–1914. М.: Модест Колеров.
- Мировая война в цифрах (1934). М.-Л.: Коммунистическая академия, Институт мирового хозяйства и мировой политики.
- Рыбаковский Л.Л. (2010) Людские потери СССР и России в Великой Отечественной войне. М.: Экон-Информ.
- Стратегия в трудах военных классиков (1926). Т. 2. М.: Госвоениздат.
- Триандафиллов В.К. (1936) Характер операций современных армий. 3-е изд. М.: Госвоениздат.

Феськов В.И., Калашников К.А., Голыков В.И. (2004) Советская армия в годы Холодной войны (1946–1991). Томск: Издательство Томского университета.

Шазли С. (2008) Форсирование Суэцкого канала. М.: Библос-консалтинг.

Asher D. (2009) *The Egyptian Strategy for the Yom Kippur War*, Jefferson: McFarland & Company.

Biddle S. (1996) Victory Misunderstood. What the Gulf War Tells Us about the Future Conflict // *International Security*, vol. 21, no 2, pp. 139–179. DOI: 10.1162/isec.21.2.139

Boose D.W. (2008) *Over the Beach. US Army Amphibious Operations in the Korean War*, Fort Leavenworth.

Brown J.S. (2005) *The Maturation of Operational Art. Operations Desert Shield and Desert Storm // Historical Perspectives of the Operational Art* (eds. Krause M.D., Philipps R.C.), Washington: Center of Military History, pp. 439–482.

Cohen E. (1993) *Israel's Best Defense. The Full History of the Israeli Air Force*, New York.

Eisel IV G.B. (1992) *Befehlstaktik and the Red Army Experience: Are There Lessons for Us?* Fort Leavenworth.

Fontenot G., Degen E.J., Tohn D. (2004) *On Point. The United States Army in Operation Iraqi Freedom*, Fort Leavenworth.

Gawrych G.W. (1996) *The 1973 Arab-Israeli War. The Albatross of Decisive Victory*, Fort Leavenworth.

Gukeisen T.B. (2004–2005) *The Operational Art of Blitzkrieg: Its Strengths and Weaknesses in Systems Perspective*, School of Advanced Military Studies United States Army Command and General Staff College, Fort Leavenworth. AY 2004–2005 // <https://ru.scribd.com/document/59446682/The-Operational-Art-of-Blitzkrieg-Its-Strengths-and-Weaknesses-in-Systems-Perspective>, дата обращения 31.10.2019.

Huntington S.P. (1981) *The Soldier and the State: the Theory and Politics of Civil-Military Relations*, Cambridge: Belknap Press of Harvard University Press.

Leonhard R.R. (1991) *The Art of Maneuver*, Navato.

McGrath J.J. (2004) *The Brigade: A History. Its Organization and Employment in the US Army*, Fort Leavenworth.

McGrath J.J. (2005) *Sinai 1973: Israeli Maneuver Organization and the Battle of the Chinese Farm // An Army at War. Change in the Midst of Conflict* (eds. McGrath J.J., Petraeus D.H.). The Proceeding of the Combat Studies Institute 2005 Military History Symposium, Fort Leavenworth, pp. 63–109.

McGrath J.J. (2006) *Crossing the Line of Departure. Battle Command on the Move. A Historical Perspective*, Fort Leavenworth.

McGrew M.A. (2011) *Politics and the Operational Level of War*, Fort Leavenworth.

Nicholson J.W. (2011) “We Are Crossing into Africa.” Adan’s Division Triumphs in Sinai // *Wrath of Achilles. Essays on Command in Battle* (ed. Hooker R.D., Jr.), Fort Leavenworth, pp. 161–187.

Owen R.L. (1984) *Operational Valiant: Turning of the Tide in the Sinai 1973 Arab-Israeli War*, Quantico.

Scales R.H. (1994) *Certain Victory. The US Army in the Gulf War*, Fort Leavenworth.

Swain R.M. (1994) *Lucky War. Third Army in Desert Storm*, Fort Leavenworth.

Tunnel H.D. (2006) *Red Devils. Tactical Perspectives from Iraq*, Fort Leavenworth.

Under Discussion

DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-4-245-270

The Twilight of the Big Battalions. Historical Study of the Military Conflicts of the Future

Alexey A. KRIVOPALOV

PhD in History, Senior Researcher, Center of Post-Soviet Studies

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations
of the Russian Academy of Sciences, 117997, Profsoyuznaya St., 23, Moscow, Russian
Federation

E-mail: krivopalov@centero.ru

ORCID: 0000-0002-7916-036X

CITATION: Krivopalov A.A. (2019) The Twilight of the Big Battalions. Historical Study
of the Military Conflicts of the Future. *Outlines of Global Transformations: Politics,
Economics, Law*, vol. 12, no 4, pp. 245–270 (in Russian).

DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-4-245-270

Received: 11.09.2019.

ABSTRACT. *The article provides a description of the military evolution of the XIX–XXI centuries. The development of the operational forms and organizational principles are on focus. October war of 1973 and the American invasion of Iraq in 2003 prove the new principle of deployment of troops. A continuous strategic front is no longer the predominant principle of deployment in the theater of operations. Although war had rose to a higher level of scientific and technological development, modern organizational and operational forms are increasingly reminiscent of the local conflicts of the XIX century.*

KEY WORDS: *politics, strategy, front line, communication line, operational art, theater of operations, WW II, OIF*

References

- Asher D. (2009) *The Egyptian Strategy for the Yom Kippur War*, Jefferson: McFarland & Company.
- Biddle S. (1996) Victory Misunderstood. What the Gulf War Tells Us about the Future Conflict. *International Security*, vol. 21, no 2, pp. 139–179. DOI: 10.1162/isec.21.2.139
- Boose D.W. (2008) *Over the Beach. US Army Amphibious Operations in the Korean War*, Fort Leavenworth.
- Brown J.S. (2005) The Maturation of Operational Art. Operations Desert Shield and Desert Storm. *Historical Perspectives of the Operational Art* (eds. Krause M.D., Philipps R.C.), Washington: Center of Military History, pp. 439–482.

Cohen E. (1993) *Israeli's Best Defense. The Full History of the Israeli Air Force*, New York.

Eisel IV G.B. (1992) *Befehlstaktik and the Red Army Experience: Are There Lessons for Us?* Fort Leavenworth.

Fes'kov V.I., Kalashnikov K.A., Golikov V.I. (2004) *Soviet Army during the Cold War (1946–1991)*, Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta (in Russian).

Fontenot G., Degen E.J., Tohn D. (2004) *On Point. The United States Army in Operation Iraqi Freedom*, Fort Leavenworth.

Gawrych G.W. (1996) *The 1973 Arab-Israeli War. The Albatross of Decisive Victory*, Fort Leavenworth.

Gukeisen T.B. (2004–2005) *The Operational Art of Blitzkrieg: Its Strengths and Weaknesses in Systems Perspective*, School of Advanced Military Studies United States Army Command and General Staff College, Fort Leavenworth. AY 2004–2005. Available at: <https://ru.scribd.com/document/59446682/The-Operational-Art-of-Blitzkrieg-Its-Strengths-and-Weaknesses-in-Systems-Perspective>, accessed 31.10.2019.

Huntington S.P. (1981) *The Soldier and the State: the Theory and Politics of Civil-Military Relations*, Cambridge: Belknap Press of Harvard University Press.

Isserson G.S. (1937) *Evolution of Operational Art*, Moscow: Voenizdat (in Russian).

Leer G.A. (1913) *Strategy*. Vol. 1, Saint Petersburg (in Russian).

Leonhard R.R. (1991) *The Art of Maneuver*, Navato.

McGrath J.J. (2004) *The Brigade: A History. Its Organization and Employment in the US Army*, Fort Leavenworth.

McGrath J.J. (2005) Sinai 1973: Israeli Maneuver Organization and the Battle of the Chinese Farm. *An Army at War. Change in the Midst of Conflict* (eds. McGrath J.J., Petraeus D.H.). The Proceeding of the Combat Studies Institute 2005 Mil-

itary History Symposium, Fort Leavenworth, pp. 63–109.

McGrath J.J. (2006) *Crossing the Line of Departure. Battle Command on the Move. A Historical Perspective*, Fort Leavenworth.

McGrew M.A. (2011) *Politics and the Operational Level of War*, Fort Leavenworth.

Menning B.W. (2016) *Bayonets before Bullets: The Imperial Russian Army, 1861–1914*, Moscow: Modest Kolerov (in Russian).

World War in Numbers (1934), Moscow-Leningrad: Kommunisticheskaya akademiya, Institut mirovogo khozyajstva i mirovoj politiki (in Russian).

Nicholson J.W. (2011) “We Are Crossing into Africa.” Adan's Division Triumphs in Sinai. *Wrath of Achilles*. Essays on Command in Battle (ed. Hooker R.D., Jr.), Fort Leavenworth, pp. 161–187.

Owen R.L. (1984) *Operational Valiant: Turning of the Tide in the Sinai 1973 Arab-Israeli War*, Quantico.

Rybakovskij L.L. (2010) *Human Losses of the USSR and Russia in the Great Patriotic War*, Moscow: Ekon-Inform (in Russian).

Scales R.H. (1994) *Certain Victory. The US Army in the Gulf War*, Fort Leavenworth.

Shazli S. (2008) *The Crossing of the Suez Canal*, Moscow: Biblos-Konsalting (in Russian).

Strategy in the Works of Military Classics (1926) Vol. 2, Moscow: Gosvoenizdat (in Russian).

Swain R.M. (1994) *Lucky War. Third Army in Desert Storm*, Fort Leavenworth.

Triandafilov V.K. (1936) *Character of Operations of Modern Armies*, Moscow: Gosvoenizdat (in Russian).

Tunnel H.D. (2006) *Red Devils. Tactical Perspectives from Iraq*, Fort Leavenworth.

Vol'pe A.M. (1931) *Frontal Attack*, Moscow: Gosvoenizdat (in Russian).